

Научная статья

УДК 343.19

EDN SVMVIP

DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(1).66-74

ГАРМОНИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ НАЧАЛ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

И.Г. Смирнова^{1, 2}, Н.Г. Стойко³, И.А. Васильев³¹Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация²Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация³Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

21 января 2025 г.

Дата принятия в печать

23 февраля 2025 г.

Дата онлайн-размещения

21 марта 2025 г.

Ключевые слова

Публичность; диспозитивность;
частный интерес; публичный интерес;
Конституционный Суд РФ; принцип;
метод; триалектика

Финансирование

Исследование выполнено за счет
гранта Российского научного фонда
№ 24-28-00565 ([https://rscf.ru/
project/24-28-00565](https://rscf.ru/project/24-28-00565))

Аннотация. Ключевым вопросом, которому ученые-процессуалисты посвящают свое внимание независимо от предмета научного исследования, является поиск баланса публичности и диспозитивности при производстве по уголовным делам. Многие доктринальные позиции относительно природы и взаимосвязи публичного и диспозитивного начал уголовного судопроизводства находят отражение в правовых позициях Конституционного Суда РФ, касающихся самых разнообразных аспектов, стадий и порядка производства по уголовным делам. Конституционный Суд РФ отмечает следующее: необходимость обеспечения баланса между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, публичными интересами и правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства, требование достижения такого баланса должны являться одним из критериев определения полномочий лиц, в производстве которых находится уголовное дело, наряду с учетом требований эффективной реализации публичных функций правосудия, оптимизации судебной нагрузки и процессуальной экономии; лицам должно гарантироваться право участвовать в решении публично-правовой задачи относительно преступных посягательств; недопустимо рассматривать интересы публичной власти отстраненно от интересов личности, прав и свобод конкретного человека; публичный порядок производства по различным категориям уголовных дел должен допускать включение в него элементов диспозитивности; публично-правовые цели уголовного судопроизводства включают в себя частный интерес в виде защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а равно защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Анализ решений Конституционного Суда РФ и законодательства позволяет констатировать, что баланс публично- и частноправовых интересов может быть обеспечен путем соблюдения следующих условий: процессуальная эффективность, экономия в использовании средств судебной защиты, прозрачность отправления правосудия, а также исключение затягивания и беспочвенного возобновления судебного разбирательства.

Original article

THE HARMONIZATION OF PUBLIC AND PRIVATE FOUNDATIONS OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RULINGS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Irina G. Smirnova^{1, 2}, Nikolay G. Stoiko³, Ilya A. Vasiliev³¹Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation²National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation³Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2025 January 21

Accepted

2025 February 23

Abstract. The key issue for procedural law scholars, regardless of the topic of their research, is a search for balance between publicity and dispositivity in criminal proceedings. Many doctrinal positions regarding the nature and interconnection of the public and the dispositive foundations of criminal proceedings are reflected in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on various aspects,

Available online
2025 March 21

Keywords

Publicity; dispositivity; private interest; public interest; Constitutional Court of the Russian Federation; principle; method; trialectics

Acknowledgements

The research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 24-28-00565 (<https://rscf.ru/project/24-28-00565>)

stages and proceedings of criminal cases. The Constitutional Court of the Russian Federation stresses the following: the necessity of maintaining the balance between the constitutionally protected values, public and private interests, public interests and rights and lawful interests of criminal proceedings' participants; the requirement of reaching this balance should act as one of the criteria of determining the powers of persons carrying out the criminal proceedings, alongside the requirements of effective implementation of the public functions of justice, optimization of the court load and procedural economy; the subjects should be guaranteed a right to participate in resolving the public-legal task regarding criminal infringements; it is inadmissible that the interests of public authority should be viewed separately from the individual interests, rights and liberties of a specific person; the public character of proceedings in different categories of criminal cases should allow for the inclusion of elements of dispositivity; public-legal goals of criminal proceedings include the private interest of protecting the rights and lawful interests of crime victims, as well as the protection of an individual against unlawful and unsubstantiated accusation, conviction, restriction of their rights and liberties. The analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and of legislation allows the authors to state that a balance between public and private legal interests could be ensured by observing the following conditions: procedural effectiveness; economy of the use of court protection means, transparency of the administration of justice, as well as the exclusion of protraction and unjustified resumption of court proceedings.

Постановка проблемы

Следует признать, что независимо от предмета научного исследования ключевым вопросом, которому ученые-процессуалисты посвящают свое внимание, является вопрос пределов властных полномочий органов и должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, с одной стороны, и месте частных интересов в реализации государством функций уголовного преследования и разрешения уголовного дела по существу — с другой.

Не случайно французский процессуалист Ф. Эли еще в позапрошлом веке отмечал, что «два интереса, одинаково мощные и одинаково священные, равно требуют себе покровительства: интерес общества, который требует справедливости и быстрого наказания за преступление; интерес обвиняемого, который также является общественным интересом и который требует полной гарантии гражданских прав и прав защиты»¹.

На первый взгляд может показаться, что неоспоримый публичный характер уголовно-процессуальной деятельности не соответствует (или не совсем соответствует) урегулированному ст. 6 УПК РФ назначению уголовного судопроизводства, выражающемуся в защите прав, свобод и законных интересов личности.

Вместе с тем такой подход, на наш взгляд, является односторонним.

Основная часть

Соотношение публичности (публичных интересов) и диспозитивности (частных интересов) в ходе развития российского уголовно-процессуального законодательства в досоветский, советский и постсоветский периоды отечественной истории претерпевало серьезные изменения (в последнее время это происходило во многом благодаря правовым позициям Конституционного Суда РФ).

Прежде всего следует заметить, что уже в досоветский период большинство авторов признавало принципиальное значение для уголовного процесса интересов власти (публично-правовых интересов) и интересов личности (частных интересов). К примеру, И.Я. Фойницкий считал, что уголовный процесс имеет два отличительных начала: публичное и личное [2, с. 11]. С одной стороны, он определял уголовный процесс как порядок основанной на праве на наказание деятельности, имеющей «задачей осуществление карательной власти в каждом отдельном случае» (публичное начало), а с другой стороны, ставил реализацию этой задачи государством в зависимость от самоограничения, «направленного на удовлетворение частного интереса обвинения или оправдания» (личное начало) [там же, с. 3, 11]. С.И. Викторский имел сходный подход, но делал акцент на том, что уголовный процесс не реализует право государства на наказание применительно к конкретному человеку, а лишь решает в соответствии с установленными законом правилами ряд про-

¹ Helie F. *Traite de l'instruction criminelle ou theorie du code de instruction criminelle*. 2-me ed. Paris, 1867. Т. 1, pp. 1–2 (цит. по: [1, с. 583]).

цессуальных вопросов: «совершено ли преступное деяние, кто его автор и как его следует наказать», ограждая его тем самым от ошибочных и произвольных решений [3, с. 12].

В советский период (несмотря на определенную идеологизацию) также существовали во многом похожие интерпретации. Главенствующее значение обычно придавалось интересам власти, борьбе с преступностью и подчеркивалась важность и необходимость защиты интересов личности [4, с. 13–17; 5, с. 9–10, 13–14]. При этом публично-правовые и личные интересы не противопоставлялись, а рассматривались как сочетаемые. Более того, вопрос о приоритете интересов власти над интересами личности в уголовном процессе постепенно (особенно после принятия УПК РСФСР в 1961 г.) постепенно стал как бы уходить в сторону (по крайней мере, специально не подчеркивался и не обсуждался) [6, с. 29–39]. Позднее советская уголовно-процессуальная наука пришла к выводу об односторонности трактовки уголовного процесса только как способа реализации государственной власти [7, с. 41–42].

В постсоветский период утвердилась точка зрения, основанная на Конституции РФ и УПК РФ 2001 г., о главенстве личных интересов при определении того, чему служит уголовный процесс. Причем такая позиция законодателя не привела к отрицанию публично-правового характера производства по уголовным делам [8, с. 14]. Вместе с тем некоторые авторы посчитали это свидетельством того, что уголовный процесс не осуществляется более или не должен осуществляться в интересах борьбы с преступностью [9, с. 8–22].

Ко всему прочему до сих пор ученые не пришли к консенсусу относительно правовой природы публичности.

Ряд ученых публичность рассматривают в качестве принципа уголовного судопроизводства. По мнению В.Т. Томина, например, публичность выражается в том, что государственные органы ведут уголовный процесс и достигают поставленных перед ними целей в силу возложенных на них по закону обязанностей [10, с. 183]. Точно также определяет принцип публичности Л.В. Головкин [11, с. 223]. В свою очередь, М.Т. Аширбекова полагает, что данный принцип определяет основополагающие процессуальные способы защиты публичного интереса [12, с. 81] и характеризует уголовный процесс как вид *государственной* деятельности [13, с. 23]. Отсюда, вероятно, встречающийся в литературе

двухаспектный подход к раскрытию содержания публичности: в широком значении — правовая основа уголовного судопроизводства, в узком значении — его принцип [14, с. 9].

Близким по сути к изложенным выше точкам зрения является и подход С.В. Горловой. Не возводя публичность в ранг принципа уголовного судопроизводства, она понимает ее как признание государством (и обществом) объективной необходимости урегулирования в законе полномочий по расследованию и разрешению уголовных дел с помощью ограничения прав изобличаемых лиц и защиты прав и интересов лиц, пострадавших от преступных посягательств [15, с. 7]. Иными словами, публичность рассматривается как комплекс процессуальных средств и ресурсов органов уголовного преследования и суда в целях осуществления производства по уголовному делу, что неизбежно влечет за собой ограничение прав личности как имманентно присущее уголовно-процессуальной деятельности.

Нельзя не отметить также, что некоторые авторы обращают внимание на тенденцию умаления роли публичности, нивелирования ее восприятия как обязательного правового явления, не просто присущего уголовному судопроизводству, а доминирующего в нем [16, с. 4–5].

Аналогичным образом и диспозитивность как уголовно-процессуальная категория не нашла однозначной оценки в юридической науке.

В частности, И.С. Дикарев придает диспозитивности значение уголовно-процессуального принципа, который предоставляет участникам процесса ряд возможностей:

- распоряжаться предметом уголовного процесса — обвинением (материальная диспозитивность);

- распоряжаться спорным материальным правом при производстве по гражданскому иску в уголовном деле (материальная диспозитивность);

- распоряжаться в целях защиты отстаиваемых интересов процессуальными правами, реализация которых оказывает значительное влияние на производство по уголовному делу (процессуальная диспозитивность) [17, с. 7].

Интересный взгляд на понимание публичности и диспозитивности в уголовном процессе и их соотношение предложил А.С. Барабаш. Автор доказывает, что публичность и диспозитивность выступают в качестве *методов* уголовно-процессуальной деятельности, что проявляется в следующих аспектах.

1. Публичный метод осуществления уголовного процесса является исторически обусловленным и предопределенным т.н. «патерналистским» характером отношений государства и личности.

2. Публичность имеет главенствующую роль, реализуется на всех этапах уголовно-процессуальной деятельности, во всех формах судопроизводства [18, с. 6].

3. Публичность и диспозитивность выражают интерес участников дела и мотивируют их на активные действия.

4. Публичность и диспозитивность консолидируют процессуальные средства, упорядочивают их в направлении конечной цели, выступают стержнем, осью, вокруг которой выстраивается вся система уголовно-процессуальной деятельности [18, с. 12].

Таким образом, одни авторы указывают на то, что публичность как правовая основа устанавливаемого и обеспечиваемого государством порядка уголовного судопроизводства имеет своим назначением *защиту* прав и свобод человека и гражданина, а другие смещают акцент на публичность как на предоставление государством полномочий, реализация которых зачастую возможна посредством *ограничения* прав лиц.

Развивая мысль о соотношении публичности и диспозитивности, С.В. Горлова отмечает, что подчиненное положение диспозитивности по отношению к публичности, их разноуровневость и различный объем нивелируют вопрос о возможности конфликта между ними [15, с. 7].

Чтобы понять, насколько корректна постановка вопроса о возможности конфликта между публичными и частными уголовно-процессуальными интересами или началами (публичностью и диспозитивностью) уголовного судопроизводства, необходимо обратиться к выбору надлежащего методологического исследовательского инструментария. Как подчеркивает Л.Н. Масленникова, в период общественных реформ (особенно в сфере уголовного судопроизводства) кардинально возрастает значение научной методологии познания сущности и соотношения публичного и диспозитивного начал, как совокупности определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных методов исследования через призму трех уровней познания (триалектику): мировоззрения, общенаучных принципов и подходов и конкретно исторической методологии [19, с. 1200–1201]. Именно *триалектика* образует суть мировоззренческой основы и ориентирует на целостное,

осмысленное отражение уголовно-процессуальной действительности. Такой подход позволяет не противопоставлять публичность и диспозитивность как противоречащие друг другу полюсы уголовного процесса, а рассмотреть диспозитивное начало как часть публичного, которое определяет социальное назначение уголовного судопроизводства [20, с. 40–42].

Действительно, преступность — это социальное явление, которое влияет на общество, государство, конкретных людей. В результате возникают определенные потребности: в противодействии преступности, возмещении причиненного ей вреда, в урегулировании криминальных конфликтов между преступниками и их жертвами. Если перечисленные потребности существуют и осознаны, то они выражаются в соответствующих притязаниях (личных и общественных интересах) и требуют осуществления определенной деятельности. Если удовлетворить названные потребности, не прибегая к помощи уголовного процесса, нельзя, следовательно, он социально обусловлен именно преступностью. Другими словами, такова его социальная природа или начало². В условиях общества, основанного на праве и законе, это начало неизбежно становится государственно-властным и придает уголовному процессу публичный характер [22, с. 8–9, 10–11].

Разумеется, личные (частные) интересы не вытесняются из сферы уголовного судопроизводства, не подавляются органами государства. Однако их наличие не придает ему частноправовой характер, поскольку уголовный процесс в принципе не может быть частным делом ни обвиняемого, ни потерпевшего (за небольшим исключением). Дело заключается в том, что уголовный процесс защищает пострадавших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), и потому ведущие его органы всегда должны действовать в общих интересах, «огосударствляя», можно сказать, частные притязания (беря их под защиту как свои). Сказанное является неизбежным следствием узаконения, признания государством любого интереса, когда он превращается в законный интерес (отражаемое в праве или вытекающее из его смысла, юридически дозволенное, охраняемое и защищаемое государством притязание на социальное благо). Лишь действуя из публично-правовых соображений, государственные органы способны осуществить

² Начало — первоисточник, исходный пункт или точка происхождения [21, с. 397].

официальное правосудие для потерпевших и обвиняемых, гарантировать соблюдение конституционно признанных стандартов прав и свобод человека и гражданина (и международных стандартов, если они не противоречат Конституции РФ) вне зависимости от чьих-либо субъективных желаний. Чувство справедливости конкретного человека, равно как и понимание справедливости, которое может существенно отличаться у различных людей и социальных групп, принимается в расчет только в пределах этих стандартов. Таким путем поддерживается баланс интересов между государством и личностью, потерпевшими и обвиняемыми и удовлетворяется интерес отдельных социальных групп. Это верно даже в том случае, когда преступление направлено не против конкретного лица, а против общества в целом (приобретение наркотиков, шпионаж и т.п.), ведь общество состоит из людей, которым в конечном счете и наносится ущерб³. Кроме того, только органы государства, обладающие властью, способны раскрывать действительно совершенные преступления и выявлять лиц, действительно виновных в их происшествии. Тем самым создаются условия для свершения правосудия, поддерживаются и достигаются уголовно-процессуальные интересы частных лиц.

Иначе говоря, уголовный процесс представляет собой публично-правовую деятельность, осуществляемую в соответствии с общественно значимыми интересами, к числу которых относятся законные интересы потерпевших и обвиняемых, защищаемые в приоритетном порядке. Вот почему диспозитивное начало (частные интересы) можно и нужно рассматривать как часть публичности уголовного судопроизводства.

Данный вывод находит свое подтверждение в правовых позициях Конституционного Суда РФ.

Обратимся к постановлению Конституционного Суда РФ от 20 января 2023 г. № 3-П, посвященному проверке конституционности ч. 1 ст. 125 УПК РФ⁴. Признавая норму не противоречащей Конституции РФ, Конституционный Суд РФ усилил аргументацию своей правовой позиции относительно возможного территориального расположения места содержания под

стражей указанием на то, что таковое «должно способствовать назначению уголовного судопроизводства, соблюдению его принципов... обеспечению баланса между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами» (курсив наш. — Авт.). По мнению Конституционного Суда РФ, перевод заключенного в иное место содержания вне места производства предварительного расследования должен быть исключением из правила и сопровождаться обязательным обеспечением личной безопасности такого лица и соблюдением иных его прав и законных интересов.

Баланс публичных и частных интересов упоминается также в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 58-П⁵, в котором суд оценил конституционность п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ и ч. 3 ст. 414 УПК РФ, которые, по мнению заявителя, ограничивают возможность пересмотра вступившего в законную силу приговора в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного пределами одного года со дня открытия лишь вновь открывшихся обстоятельств, но не новых. Признав указанные нормы конституционными, Конституционный Суд РФ указал, что сложившееся нормативно-правовое регулирование предполагает во всяком случае обязательность возобновления производства по уголовному делу в целях пересмотра вступившего в законную силу решения суда и исправления возможной судебной ошибки на основании постановления Конституционного Суда РФ (как нового обстоятельства), с которым расходится используемое в решении суда толкование, если Конституционный Суд РФ прямо указал на пересмотр этого дела. В качестве одного из аргументов данной позиции Конституционный Суд отметил, что обратная ситуация нарушала бы баланс в охране конституционных ценностей. Именно баланс между частными и публичными интересами предопределяет, что ухудшение положения осужденного или оправданного предполагается в пределах, необходимых и достаточных для адекватных восстановления и защиты прав лица, на пересмотр дела которого указал Конституционный Суд РФ.

Баланс публичных интересов, прав и законных интересов участников уголовного су-

³ О соотношении интересов в уголовном процессе см.: [23, р. 30–39].

⁴ По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисяна : постановление Конституц. Суда РФ от 20 янв. 2023 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 5. Ст. 914.

⁵ По делу о проверке конституционности п. 1 ч. 4 ст. 413 и ч. 3 ст. 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Золотаревой : постановление Конституц. Суда РФ от 17 дек. 2024 г. № 58-П // Российская газета. 2024. № 293.

допроизводства как базис принятия еще одного решения стал аргументом, изложенным Конституционным Судом РФ в постановлении от 15 февраля 2022 г. № 6-П, в котором Конституционный Суд РФ, признав ч. 1 ст. 242 и ч. 1, 3 ст. 255 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ в части возможности разрешения вопроса о продлении срока содержания под стражей в случаях, не терпящих отлагательства, когда осуществление его судьей (составом суда), в чьем производстве находится уголовное дело, объективно невозможно, единолично иному судье того же суда, отметил следующее: полномочия судов, разрешающих вопрос о содержании под стражей, определяются законодателем с учетом требований эффективной реализации публичных функций правосудия, оптимизации судебной нагрузки, процессуальной экономии, соблюдения баланса публичных интересов, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства⁶.

Отсюда следует, что изложенное выше понимание И.С. Дикаревым диспозитивности как оказывающей определенное влияние на производство по уголовному делу права граждан распоряжаться (в какой-то мере) предметом уголовного процесса, а также (в значительной мере) спорным материальным правом или своими процессуальными правами нашло непосредственное выражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 42-П. В правовом акте дана оценка конституционности ст. 42 УПК РФ, согласно которой необходимо незамедлительное признание лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела или после получения данных о таком лице, если на момент возбуждения уголовного дела таковые сведения отсутствуют. Как отметил Конституционный Суд РФ, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 290 УК РФ, если лицо отказалось от предложения о даче взятки, сообщило о данном предложении в правоохранительные органы и содействовало изобличению виновных, оно должно быть признано потерпевшим по данному уголовному делу⁷.

⁶ По делу о проверке конституционности ст. 242 и частей первой и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Мамонтова : постановление Конституц. Суда РФ от 15 февр. 2022 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 9, ч. 2. Ст. 1386.

⁷ По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.С. Ткаченко : поста-

Одним из аргументов стало указание на право каждого относительно преступных посягательств *участвовать в решении публично-правовой задачи* по предотвращению преступлений и в обеспечении безопасности сообщением о преступлениях, содействием в изобличении виновных, в том числе при производстве по уголовному делу. В силу того что каждому праву должна корреспондировать обязанность закрепить правовые механизмы, гарантирующие гражданам такую возможность через наделение соответствующим процессуальным статусом. Следовательно, *интересы публичной власти* не могут рассматриваться отстраненно от интересов личности, прав и свобод конкретного человека, *являющегося непосредственной конституционной ценностью*.

Позиция С.В. Горловой о разноуровневом характере категорий публичности и диспозитивности (о чем мы писали выше) находит подтверждение в сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции в постановлении от 28 июня 2023 г. № 36-П, где в обоснование оценки конституционного характера ст. 24 УПК РФ, как не предполагающей прекращения судом уголовного дела и уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого по делам частного обвинения при наличии неотмененного постановления органа предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении того же лица по тому же обвинению, Суд указал на право законодателя дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, *допуская включение в него элементов диспозитивности в форме учета волеизъявления пострадавшего от преступления лица*, в том числе и путем придания ему определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений, что является по делам частного обвинения *дополнительной гарантией* прав и законных интересов потерпевших⁸.

Триалектический взгляд на природу публичности и диспозитивности верифицирован

новление Конституц. Суда РФ от 1 окт. 2024 г. № 42-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 41. Ст. 6205.

⁸ По делу о проверке конституционности части четвертой ст. 24 и п. 5 ч. 1 ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.А. Школьник : постановление Конституц. Суда РФ от 28 июня 2023 г. № 36-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 28. Ст. 5301.

в полной мере также и в решении Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П по вопросу проверки конституционности ст. 82 и ст. 240 УПК РФ. При оценке конституционности положений ст. 82 УПК РФ и ст. 240 УПК РФ, дающих право уничтожения вещественных доказательств по двум или более уголовным делам, после вступления в законную силу приговора суда по одному из этих уголовных дел, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что государство обязано обеспечивать условия для непосредственного исследования хотя бы в двух инстанциях представленных сторонами доказательств. Потому доказательства не подлежат уничтожению (если они фактически могут быть сохранены) как минимум до завершения апелляционного производства по делу и до вступления в этой связи решения суда в законную силу, что обусловлено *публично-правовыми целями уголовного судопроизводства, включающими в себя защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а равно защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод*⁹.

Крайне интересно решение Конституционного Суда РФ, в котором также затрагиваются вопросы баланса охраняемых законом ценностей через призму взаимосвязи норм гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательства. Вопрос, который стал предметом оценки, заключается в возможности расценивать в гражданском судопроизводстве качество вновь открывшихся обстоятельств, которые установлены в порядке уголовного судопроизводства и нашли свое отражение в постановлении об отказе в возбуждении или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования¹⁰. В указанном решении Конституционный Суд РФ, не ограничиваясь рамками уголовного

судопроизводства, подчеркивает значимость баланса публично- и частноправовых интересов, а также обращает внимание, что такой баланс невозможен без следующих условий:

- процессуальная эффективность;
- экономия в использовании средств судебной защиты;
- прозрачность отправления правосудия;
- исключение затягивания и беспочвенного возобновления судебного разбирательства.

В тех случаях, когда, несмотря на обнаружение преступлений, затрагивающих предмет того же спора (подлог документов, сообщение заведомо ложных сведений, обнаружение преступлений против правосудия и т.п.) и свидетельствующих о формировании несоответствующих действительности доказательств, что, в свою очередь, ставит (может поставить) под сомнение правосудность вступившего в законную силу судебного акта, непреодолимая (абсолютная) стабильность судебных решений, приоритетное признание их законной силы следует рассматривать как приводящее к нарушению баланса конституционно признаваемых ценностей.

Выводы

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, многие доктринальные позиции относительно природы и взаимосвязи публичного и диспозитивного начал уголовного судопроизводства находят отражение в правовых позициях Конституционного Суда РФ, касающихся самых разнообразных аспектов, стадий и порядков производства по уголовным делам.

Конституционный Суд РФ отмечает:

- необходимость обеспечения баланса между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, публичными интересами и правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства;
- требование достижения такого баланса должно являться одним из критериев определения полномочий лиц, в производстве которых находится уголовное дело, наряду с учетом требований эффективной реализации публичных функций правосудия, оптимизации судебной нагрузки и процессуальной экономии;
- лицам должно гарантироваться право участвовать в решении публично-правовой задачи относительно преступных посягательств;

⁹ По делу о проверке конституционности положений ст. 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова : постановление Конституц. Суда РФ от 19 июня 2023 г. № 33-П // Собрание законодательства РФ. 2023. № 26. Ст. 4846.

¹⁰ По делу о проверке конституционности ст. 39014 и ч. 3 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Вишнякова, Н.М. Волокитиной, М.З. Каримова и Н.Н. Наливайко : постановление Конституц. Суда РФ от 16 янв. 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.01.2025).

– недопустимо рассматривать интересы публичной власти отстраненно от интересов личности, прав и свобод конкретного человека;

– публичный порядок производства по различным категориям уголовных дел должен допускать включение в него элементов диспозитивности;

– публично-правовые цели уголовного судопроизводства включают в себя частный интерес в виде защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а равно защиты

личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Во-вторых, баланс публично- и частноправовых интересов в уголовном процессе (и не только) может быть обеспечен путем соблюдения следующих условий: процессуальная эффективность, экономия в использовании средств судебной защиты, прозрачность отправления правосудия, а также исключение затягивания и беспочвенного возобновления судебного разбирательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — 846 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — Т. 1. — 552 с.
3. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. — Москва : Городец, 1997. — 447 с.
4. Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов-Бебутов. — 2-е изд., перераб. — Москва : Юрид. лит., 1951. — 511 с.
5. Строгович М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович. — Москва : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1946. — 511 с.
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. — Москва : Наука, 1968. — Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. — 470 с.
7. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. — Москва : Юрид. лит., 1989. — 640 с.
8. Уголовный процесс. Общая часть / под ред. В.З. Лукашевича. — Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. — 448 с.
9. Мизулина Е.Б. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства: проект УПК Российской Федерации / Е.Б. Мизулина // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. — 2001. — № 1 (107). — С. 8–22.
10. Тomin В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Тomin. — Москва : Юрайт, 2009. — 376 с.
11. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — 4-е изд. испр. и доп. — Москва : Статут, 2025. — 1041 с.
12. Принципы российского уголовного судопроизводства: содержание и проблемы реализации / под ред. Н.С. Мановой. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 360 с. — EDN HJAWGQ.
13. Аширбекова М.Т. Принцип публичности в российском досудебном производстве по уголовным делам (содержание и формы реализации) / М.Т. Аширбекова, Ф.М. Кудин. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. — 240 с. — EDN QQLDGR.
14. Ничипоренко А.А. Публичность в надзорном производстве в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Ничипоренко. — Москва, 2018. — 23 с.
15. Горлова С.В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Горлова. — Челябинск, 2006. — 20 с.
16. Козлова А.Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Н. Козлова. — Москва, 2007. — 34 с.
17. Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.С. Дикарев. — Волгоград, 2004. — 24 с.
18. Барабаш А.С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Барабаш. — Екатеринбург, 2012. — 27 с.
19. Масленникова Л.Н. Методологические подходы к развитию уголовно-процессуальной теории и законодательства / Л.Н. Масленникова. — EDN HWHUTUT // Lex Russica. — 2006. — Т. 65, № 6. — С. 1198–1214.
20. Масленникова Л.Н. Мировоззренческая основа уголовно-процессуального права: соотношение публичного и диспозитивного начал / Л.Н. Масленникова. — EDN YVOWQK // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 1 (45). — С. 40–42.
21. Ожегов С.И. Словарь русского языка : 70 000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. — 21-е изд., перераб. и доп. — Москва : Рус. яз., 1989. — 924 с.
22. Малько А.В. Законные интересы как правовая категория / А.В. Малько, В.В. Субочев. — Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. — 359 с.
23. Ashworth A. The Criminal Process: An Evaluative Study / A. Ashworth. — 2nd ed. — Oxford : Oxford Univ. Press, 1998. — 344 p.

REFERENCES

1. Cheltsov-Bebutov M.A. A Course of Criminal Procedure Law. Essays of the History of Court and Criminal Process in Slave-owning, Feudal and Bourgeois States. Saint Petersburg, Alfa Publ., 1996. 846 p.
2. Foinitskii I.Ya. A Course in Criminal Court Procedure. Saint Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 1. 552 p.
3. Viktor'skii S.I. Russian Criminal Process. Moscow, Gorodets Publ., 1997. 447 p.
4. Cheltsov-Bebutov M.A. The Soviet Criminal Trial. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1951. 511 p.

5. Strogovich M.S. *Criminal Proceedings*. Moscow, 1946. 511 p.
6. Strogovich M.S. *A Course of Soviet Criminal Procedure*. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1. 470 p.
7. Boikov A.D., Karpets I.I. (eds). *A Course of Soviet Criminal Procedure. General Part*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1989. 640 p.
8. Lukashevich V.Z. (ed.). *Criminal Proceedings. The General Part*. Saint Petersburg State University Publ., 2004. 448 p.
9. Mizulina E.B. Improvement of the Criminal Procedure Legislation: Draft of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Informatsionnyi byulleten' Sledstvennogo komiteta pri MVD Rossii = Newsletter of the Investigative Committee under the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2001, no. 1, pp. 8–22. (In Russian).
10. Tomin V.T. *Criminal Procedure: Topical Issues in the Theory and Practice*. Moscow, Yurait Publ., 2009. 376 p.
11. Golovko L.V. *The Course of Criminal Procedure*. Moscow, Statut Publ., 2025. 1041 p.
12. Manova N.S. (ed.). *Principles of Russian Criminal Justice: Content and Implementation problems*. Moscow, 2019. 360 p. EDN: HJAWGQ.
13. Ashirbekova M.T., Kudin F.M. *The Publicity Principle in Russian Pretrial Proceedings in Criminal Cases (Content and Implementation Forms)*. Volgograd State University Publ., 2007. 239 p.
14. Nichiporenko A.A. *Publicity in the Supervisory Review in the Criminal Process*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2018. 23 p.
15. Gorlova S.V. *Criminal Prosecution as a Manifestation of Publicity in the Criminal Process*. Cand. Diss. Thesis. Chelyabinsk, 2006. 20 p.
16. Kozlova A.N. *Publicity as a Principle of Criminal Court Proceedings*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2007. 34 p.
17. Дикарев И.С. *Free Exercise of Material and Procedural Rights in Russian Criminal Process*. Cand. Diss. Thesis. Volgograd, 2004. 24 p.
18. Barabash A.S. *The Essence of Russian Criminal Process in View of Russian National Mentality*. Doct. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2012. 27 p.
19. Maslennikova L.N. Methodological Approaches to the Development of Criminal Procedure Theory and Legislation. *Lex Russica*, 2006, vol. 65, no. 5, pp. 1198–1214. (In Russian). EDN: HWHTUT.
20. Maslennikova L.N. The Ideological Basis of the Criminal Procedural Law: Ratio of the Public and Dispositive Beginnings. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 1, pp. 40–42. (In Russian). EDN: YVOWQK.
21. Ozhegov S.I.; Shvedova N.Yu. (ed.). *Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1989. 924 p.
22. Mal'ko A.V., Subochev V.V. *Legitimate Interests as Legal Category*. Saint Petersburg, Yuridicheskii Tsentr Press Publ., 2004. 359 p.
23. Ashworth A. *The Criminal Process: An Evaluative Study*. 2nd ed. Oxford University Press, 1998. 344 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смирнова Ирина Георгиевна — профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация; научный сотрудник Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Стойко Николай Геннадьевич — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: nstoiko@mail.ru.

Васильев Илья Александрович — доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: i.vasiliev@spbu.ru.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Смирнова И.Г. Гармонизация публичных и частных начал уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда РФ / И.Г. Смирнова, Н.Г. Стойко, И.А. Васильев. — DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(1).66-74. — EDN SVMVIP // Всероссийский криминологический журнал. — 2025. — Т. 19, № 1. — С. 66–74.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smirnova, Irina G. — Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation; Research Fellow, National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Tomsk, the Russian Federation; e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Stoiko, Nikolay G. — Professor, Department of Criminal Process and Criminalistics, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: nstoiko@mail.ru.

Vasiliev, Ilya A. — Ass. Professor, Department of the Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University, Ph.D. in Law, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: i.vasiliev@spbu.ru.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

FOR CITATION

Smirnova I.G., Stoiko N.G., Vasiliev I.A. The Harmonization of Public and Private Foundations of Criminal Proceedings in the Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 66–74. (In Russian). EDN: SVMVIP. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(1).66-74.